Ф.И. Мелентьев
(аспирант кафедры истории России XIX – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)*

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В ВОСПРИЯТИИ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Статья посвящена взглядам старшего сына Александра II, цесаревича Николая Александровича, на университетский вопрос. Особое внимание уделяется образованию наследника престола, его общению с университетскими преподавателями, визитам в университеты во время путешествий по России и отношению к студенческим волнениям. Автор приходит к выводу, что искренний интерес цесаревича к университетам – уникальное явление в контексте истории взаимоотношений самодержавия и системы высшего образования в Российской империи.

Ключевые слова: цесаревич Николай Александрович (1843–1865), университетский вопрос, граф С.Г. Строганов, К.П. Победоносцев.

The article covers the views of the eldest son of Alexander II, tsesarevich Nicholas Alexandrovich, on the university issue. Special attention is paid to education of the heir to the throne, his contacts with university professors, his visits to universities during his travels through Russia and his attitude to student unrests. The author concludes that tsesarevich Nicholas Alexandrovich's sincere interest to universities was a unique phenomenon in the context of the history of relations between the autocracy and the higher education system in the Russian Empire.

Key words: tsesarevich Nicholas Alexandrovich (1843–1865), university question, count Serge Stroganov, Constantin Pobedonostsev.

* * *

В середине XIX в. значение университетов в общественной жизни России стало все более возрастать. Представителям власти было необходимо понимать происходившие в университетах процессы, и это вызывало пристальный интерес к системе высшего образования[1]. Между тем при изучении взаимоотношений самодержавия и университетов, как правило, недооценивается «система высочайшего вмешательства»[2], а из поля зрения упускается значение

* *Мелентьев Федор Ильич*, тел.: 8-915-174-90-96; *e-mail*: fim91@mail.ru

[1] *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 352–366.

[2] О ней подробнее см.: *Жуковская Т.Н.* «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2009. С. 74–89.

взглядов того или иного императора на университетский вопрос. Самодержавие зачастую понимается как некая безликая сила, осуществлявшая правительственную политику с помощью представителей бюрократического аппарата, мнения которых, в частности, и становятся предметом рассмотрения. Хотя при этом нередко цитируются резолюции и высказывания императора, они служат скорее иллюстрацией, нежели материалом для анализа[3].

Значительный вклад в изучение образов университетов Российской империи внес С.И. Посохов[4], однако процесс формирования представлений о высших учебных заведениях у наследников российского престола пока не привлекал исследовательского внимания. А между тем цесаревичи рассматривались современниками в качестве будущих правителей, от которых впоследствии должна была зависеть политика, в том числе и в области народного просвещения. Одним из наследников, с которым связывали большие ожидания и который познакомился с реформируемыми в 1860-е гг. университетами, был старший сын Александра II – умерший в молодости цесаревич Николай Александрович (1843–1865). Занимая должность канцлера Александровского университета в Гельсингфорсе, а со временем став почетным членом Петербургского, Казанского и Харьковского университетов, наследник должен был получить представление о высших учебных заведениях, которое формировалось как в процессе общения с преподававшими ему профессорами, так и в ходе путешествий по Российской империи и посещения самих университетов[5].

Хотя в 1850-е гг. в обществе ходили небеспочвенные слухи о возможности обучения цесаревича Николая Александровича в Московском университете, а в 1858 г. наследник посещал занятия в Пажеском корпусе, он все же получил домашнее образование[6].

---

[3] Обзор литературы см.: *Камчатнов Г.А.* Отечественная историография правительственной политики в университетском вопросе в эпоху Великих реформ // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 10 (50). Вып. 8. С. 66–71.

[4] *Посохов С.І.* Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків, 2006.

[5] *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. С. 87; *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 307; РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (17/1369). Д. 124, 156.

[6] *Герцен А.И.* Письмо к императрице Марии Александровне // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 17. М., 1958. С. 354; *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 132; *Кропоткин П.А.* Записки революционера / Послесл. и примеч. В.А. Твардовской. М., 1990. С. 85; *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 205–245.

С 1859 г. образованием наследника руководил граф С.Г. Строганов, который был назначен к великому князю в качестве попечителя. Несмотря на то что формально в его ведении должны были находиться скорее имущественные вопросы[7], назначение на эту должность бывшего попечителя Московского учебного округа, с которым был связан «золотой век» Московского университета, весьма символично[8].

Образовательная программа цесаревича примерно соответствовала гимназическому и университетскому курсам[9]. Как вспоминал преподававший великому князю профессор Б.Н. Чичерин, «к наследнику были приглашены лучшие профессора из Петербургского и Московского университетов: из Петербургского – Андреевский и Стасюлевич, из Московского – Соловьев, Победоносцев и Бабст». Из Московской духовной академии «вызван был Кудрявцев»[10]. В целом преподаватели высоко оценивали способности августейшего ученика. Так, С.М. Соловьев говорил, что «если б из Московского университета раз в десять лет выходил один студент с познаниями русской истории, каковые имел цесаревич, то он считал бы свое призвание исполненным»[11]. Наследник же столь увлекся лекциями Ф.И. Буслаева по русской словесности, что читал их записи своему окружению, видимо, представляя себя за профессорской кафедрой. «И как это было хорошо, – говорил граф (Строганов. – *Ф.М.*), – совсем по-студенчески! Студенты любят изображать из себя своих преподавателей и мечтать об ожидающей их профессуре»[12]. Попечителю наследника было приятно, что его воспитанник примерял на себя роль студента, а образ профессора стал одним из его идеалов.

Знакомство цесаревича Николая Александровича с университетским пространством началось, по-видимому, в июне 1857 г. Во

---

[7] Учреждение об Императорской фамилии // ПСЗ. Т. 24. СПб., 1830. № 17906. С. 529.

[8] О деятельности Строганова на посту попечителя Московского учебного округа в 1835–1847 гг. см.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 1. М., 2003. С. 127–344.

[9] О воспитании и образовании цесаревича Николая Александровича, в частности, см.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Пер. с англ. И.А. Пильщикова. Т. 2. М., 2004. С. 135–146; *Чернуха В.Г.* Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 1999. С. 236–246.

[10] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 64.

[11] Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 117.

[12] *Буслаев Ф.И.* Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М., 2003. С. 343.

время посещения Александровского университета 13-летний наследник обратился к тамошним профессорам на французском языке: «Господа, государь император поручил мне вам сказать, что ему крайне неприятно, что он не может благодарить вас чрез меня, но что его величество надеется, что впредь ему уже не представится более случая быть недовольным университетом»[13]. Недовольство Александра II было связано с конфликтом, в результате которого географ Н. Норденшельд покинул Александровский университет. Речь наследника, передававшего слова императора, является, пожалуй, одним из самых ярких примеров «деятельности» цесаревича Николая Александровича на посту канцлера Александровского университета.

Между тем брожение, усиливавшееся в российских университетах с конца 1850-х гг., уже в начале 1860-х гг. вылилось в студенческие волнения[14]. Поводом к ним послужило введение правил «О некоторых преобразованиях по университетам», разработанных комиссией при участии Строганова и утвержденных императором 31 мая 1861 г. Эти правила усиливали надзор за студентами, отменяли ношение форменной одежды, запрещали сходки и резко уменьшали число студентов, не плативших за обучение[15]. А уже в августе 1861 г. 17-летний цесаревич Николай Александрович отправился в путешествие по России, в ходе которого он должен был посетить несколько университетов, хотя визиты в них и не были намечены в маршруте[16].

Первым университетом, который предполагалось посетить, был Казанский. Примечательно, что в апреле 1861 г. казанские студенты приняли участие в демонстрации на панихиде по крестьянам, погибшим при подавлении восстания в селе Бездне. Несмотря на то что следствие по этому делу еще не закончилось[17], прибытие наследника в Казанский университет было сочтено возможным. Трудно представить, чтобы Александр II не знал об этом визите; следовательно, посещение цесаревичем университета должно было означать в глазах общественности доверие императора к системе высшего образования в целом и к Казанскому университету в частности.

---

[13] *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича. С. 125.

[14] *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Студенческие волнения накануне «эпохи Великих реформ» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1. С. 14–32.

[15] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1876. Стб. 732–735.

[16] РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (114/1373). Д. 188 а. Л. 5–5 об.

[17] *Свинцова М.П.* Демократическое движение студенчества в годы революционной ситуации (1859–1861 годы) // Из истории революционного движения в России в XIX – начале XX вв. М., 1958. С. 176–177.

17 августа 1861 г. цесаревич отправился в здание университета все же «не без особенного, странного чувства волнения», как он признавался в дневнике[18]. Вероятно, переживания великого князя были связаны с тем, что он опасался какой-нибудь скандальной выходки студентов.

Встречу возглавляло руководство учебного округа и университета, в дверях которого, писал наследник, «встретил нас ректор и попечитель округа кн[язь] Вяземский, профессора и толпа студентов»[19]. Фамилия попечителя Казанского учебного округа князя П.П. Вяземского была знакома цесаревичу, потому что тот приходился сыном князю П.А. Вяземскому, одному из приближенных императрицы Марии Александровны[20].

Особое внимание великий князь Николай Александрович обратил на внешний вид студентов. «Кто в мундире с шитьем, кто в форменном сюртуке застегнутый, кто нараспашку, кто в партикулярном платье», – описывал наследник увиденное[21]. Форменная одежда была отменена 31 мая 1861 г., хотя и с правом «донашивать ее в течение одного года»[22]. Как указывал Э.Д. Днепров, причина этой отмены заключалась в том, что форма «способствовала объединению и консолидации студенчества в его антиправительственных выступлениях»[23].

Между тем следует отметить, что до этой отмены Николай I и Александр II, посещая учебные заведения, строго следили за соответствием уставу внешнего вида учащихся[24]. «У многих я замечаю воротнички... – отчитывал Александр II студентов Харьковского университета в 1859 г. – Чтоб этого не было!.. Форму надо соблюдать, для того она и дана!..»[25] Цесаревич Николай Александрович тоже испытывал уважение к мундиру, хотя и сам был не прочь, как

---

[18] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2683. Л. 2 об.

[19] Там же.

[20] *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 266.

[21] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2683. Л. 2 об.

[22] Сборник постановлений... Т. 3. Стб. 734, 741. О дореформенном студенческом мундире см.: *Попов С.А.* Мундир студентов и учащихся дореформенной России. М., 2016.

[23] *Днепров Э.Д.* Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 1. М., 2011. С. 122.

[24] *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 95; Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Сост. Д.И. Багалей, Н.Ф. Сумцов, В.П. Бузескул. Харьков, 1906. С. 164.

[25] *Градовский Г.К.* Итоги (1862–1907). Историко-политические очерки и статьи. К истории печати. Воспоминания (бытовые, литературные, военные). Избранные фельетоны. Киев, 1908. С. 352.

вспоминал князь В.П. Мещерский, «нарушать военный этикет тогда, когда был у себя дома и не показывался в свете», нося «безукоризненной белизны скромно выглядывающие воротнички», как их описывал преподаватель великого князя Алексея Александровича Ф.Ф. Эвальд[26]. Однако в официальной обстановке наследник старался одеваться соответствующим образом, и, разумеется, ношение казанскими студентами одежды «нараспашку» казалось внуку Николая I неприличным.

Цесаревич Николай Александрович внимательно разглядывал студентов. «Оригинальные лица, много загорелых, растрепанных фигур, несколько евреев. Выражения довольно неопределенные», – записывал он в дневник[27]. В этой характеристике не слышится того одобрения, которое видно, например, из описания наследником солдат 6-го гренадерского Таврического полка во Владимирской губернии. «Они смотрели молодцами, – писал цесаревич Александру II, – так что мне доставило большое удовольствие пройти по рядам и вглядываться в их открытые, добрые лица»[28]. Напротив, казанские студенты, растрепанность и загорелые физиономии которых выдавали низкое происхождение, не были симпатичны цесаревичу, и он затруднялся истолковать выражение их лиц. Несмотря на это, «на лекциях государь наследник садился не на приготовленные для него кресла, но всегда на студентские скамейки»[29], скромно подчеркивая свое положение учащегося и в то же время – демонстрируя свое единство со студентами.

Отчет о содержании лекций, на которых присутствовал наследник, сделал состоявший при нем полковник О.Б. Рихтер в донесении Александру II: «Профессор физиологии Овсянников читал о кровообращении, подтверждая свою теорию опытами над лягушками и кроликом. Профессор физики Больцани говорил о теории волн, объяснял чрезвычайно остроумный прибор Уитстона». Столь яркие лекции сменились на следующий день менее зрелищными. «Первая, уголовного права, была читана профессором Чебышев-Дмитриевым; вторая, высшей математики, профессором Поповым; третью, эстетики, а именно истории искусства в первые времена христианства, читал профессор Булич»[30].

---

[26] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 15; Ф. 678. Оп. 1. Д. 982. Л. 143.

[27] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2683. Л. 2 об.

[28] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 28 об.–29.

[29] Путешествие государя наследника цесаревича в 1861 году. СПб., 1861. С. 57.

[30] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 23 об.–24. О донесениях Рихтера подробнее см.: *Мелентьев Ф.И.* О.Б. Рихтер – летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 192–203.

Наследник внимательно слушал профессоров. Об этом говорит тот факт, что через полгода он помнил основное содержание лекции А.П. Чебышева-Дмитриева и делился им со своим преподавателем К.П. Победоносцевым[31]. Кроме того, после лекции Н.Н. Булича цесаревич благодарил профессора, отмечая, «что ему было очень интересно слушать то, что он говорил о византийской школе, и это было тем более ему приятно, что напоминало ему профессора Московского университета Буслаева и его лекции»[32]. Так как знаменитый русский филолог являлся для великого князя эталоном профессора, сравнение с ним казалось цесаревичу высшей похвалой.

Хотя наследник не общался со студентами, после лекции ему была передана просьба одного из них о денежном пособии. Великий князь немедленно распорядился удовлетворить просьбу, поинтересовавшись у князя Вяземского о других неимущих студентах. Один из спутников великого князя передавал услышанные наследником слова о «молодых людях, которым бедность препятствует пользоваться первейшим благом на земле – просвещением». Разделяя эти взгляды на просвещение, наследник расспрашивал сопровождающих «о взаимной помощи казанских студентов друг другу, об учрежденной ими кассе» и взял на себя содержание еще пятерых[33]. Следует отметить важность этого шага, поскольку по правилам 31 мая 1861 г. было уменьшено число студентов, освобожденных от платы за слушание лекций[34]. Участие цесаревича было не только протокольным знаком внимания, но и проявлением искреннего стремления содействовать просвещению. Вечером 17 августа во время чаепития с князем Вяземским наследник «не раз говорил, что очень желательно, чтобы в наших университетах было как можно более достойных профессоров и как можно более студентов»[35]. А по дороге в Москву, как свидетельствовали его спутники, великий князь «больше всего говорил об университете и говорил о нем с глубоким сочувствием»[36].

В сентябре 1861 г. предполагалось посещение цесаревичем лекций в Московском университете. Однако сопровождавший его граф Строганов был предупрежден о намерении студентов просить наследника об отмене платы за обучение малоимущих, а в случае от-

---

[31] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
[32] Путешествие государя наследника цесаревича в 1861 году. СПб., 1861. С. 60.
[33] Там же.
[34] Сборник постановлений... Т. 3. Стб. 734.
[35] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 18. СПб., 1904. С. 202.
[36] Путешествие государя наследника цесаревича в 1861 году. С. 65.

каза разойтись из аудиторий и оставить цесаревича одного[37]. «Об этом было получено сведение, – записывал в дневник министр внутренних дел П.А. Валуев, – и вел[икий] князь не поехал на лекцию»[38]. Вопреки утверждению князя Д.Д. Оболенского, учившегося в то время на юридическом факультете, цесаревич Николай Александрович так и не побывал в Московском университете, а вернулся в Царское Село[39]. «Брожение студентов, – замечает С.О. Кузнецов, – наблюдалось и в Петербурге, что стало причиной отказа от задуманного посещения университета и в столице»[40]. «В российских университетах, – объясняет Р.С. Уортман отказ от посещения их наследником, – концентрировались силы, резко оппозиционные самодержавию, и страх перед конфликтом, лежавший в основе российского политического порядка, удерживал и Николая Александровича, и последующих наследников российского престола в стороне от русского общества»[41]. Между тем, несмотря на отмену визита в Московский университет, интерес старшего сына Александра II к высшим учебным заведениям Российской империи сохранялся и даже усиливался, чему способствовали события в российских университетах.

В Петербурге в отсутствие императора, находившегося в Ливадии, имели место студенческие беспорядки, вызванные бескомпромиссными мерами министра народного просвещения графа Е.В. Путятина, – ужесточением дисциплины в университете вплоть до недопущения студентов в аудитории. Одно из самых ярких событий тех дней было связано с «пленением» 25 сентября 1861 г. попечителя Петербургского учебного округа генерала Г.И. Филипсона толпой студентов, которые были возмущены объявлением о прекращении лекций. Толпа «конвоировала» Филипсона всю дорогу от его дома до университета, в здании которого студенческая депутация объяснилась с попечителем.

---

[37] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1 а. Д. 1208. Л. 1–1 об. Примечательно, что сочувствовавший студентам профессор И.К. Бабст писал юристу П.Н. Глебову 7 октября 1861 г.: «Наследник желает слушать лекции в университете; его отклоняют под предлогом будто бы готовящейся демонстрации со стороны студентов, а о той и помину не было» (Там же. Д. 1209. Л. 6 об.–7).

[38] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / Ред., введение и коммент. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 113. См. также: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 53.

[39] *Оболенский Д.Д.* Университетские воспоминания студента выпуска 1865 года // Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. Воспоминания. Дневники. Письма. Статьи. Речи. М., 2005. С. 311.

[40] *Кузнецов С.О.* Государственная и меценатская деятельность рода Строгоновых в имперский период: Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2008. С. 310.

[41] *Уортман Р.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 141.

На следующий день за обедом в Царском Селе зашла речь об этом происшествии. Как записал в дневник помощник воспитателя великих князей Александра и Владимира Александровичей Н.П. Литвинов, цесаревич Николай Александрович «весьма справедливо карал студентов за их неприличное поведение, но вместе с тем не оправдывал и начальство, которое, не предупредив ни профессоров, ни студентов, как бы тайком закрыло двери университета»[42]. Любивший производить впечатление на собеседников цесаревич высказывался и более афористично. Слухи о его словах записал в своем дневнике князь В.Ф. Одоевский: «Говорят, что наследник сказал про действия Путятина: он, кажется, забывает разницу между управлением корабля и управлением университетом»[43]. Острота заключалась в том, что Путятин, находившийся в должности министра народного просвещения чуть менее двух месяцев, имел звание адмирала. Тем самым цесаревич критиковал по-военному резкие действия в публичной сфере и в определенной степени оправдывал ожидания образованного общества, которое желало видеть в наследнике престола будущего просвещенного государя и противопоставляло ему более консервативно настроенных деятелей[44]. Поэтому неудивительно добавление Одоевского, что Строганов «был в отчаянии от этого замечания»[45], ведь отношение цесаревича к университетскому вопросу, таким образом, воспринималось в качестве показателя общественно-политических симпатий будущего самодержца.

Между тем позицию наследника характеризовало желание понять намерения сторон конфликта, и это обращало на себя внимание, особенно на фоне однозначного мнения 16-летнего великого князя Александра Александровича, «который только и твердил, что следовало “высечь их всех”, то есть студентов»[46]. Цесаревич же порицал их за форму протеста, но в то же время симпатизировал их тяге к знаниям и даже высказывался в пользу бесплатного высшего образования. «Он, – вспоминал Мещерский, – относился сочувственно к студентскому делу, которое казалось ему благородным передовым стремлением юношества к науке, и в то же время осуждал тех, которые в этом деле видели что-то вроде бунта или

---

[42] Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 / Публ. С.С. Атапина, В.М. Лупановой // Великий князь Александр Александрович. М., 2002. С. 477.

[43] «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. / Вступ. ст. Б. Козьмина, ред. и предисл. М. Брискмана, коммент. М. Брискмана и М. Аронсона // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 139.

[44] *Суворин А.С.* Письма к М.Ф. Де-Пуле / Публ. М.Л. Семановой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1979 год. Л., 1981. С. 139.

[45] «Текущая хроника и особые происшествия»... С. 139.

[46] Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862. С. 477.

политической неурядицы»[47]. В событиях осени 1861 г. цесаревич Николай Александрович видел в первую очередь стремление студентов к академической свободе, а не жажду политических прав.

Наследник престола внимательно следил за развитием событий. Петербургский университет, закрытый после сентябрьских беспорядков, был вновь открыт в октябре 1861 г., но лишь для обладателей «матрикул» – студенческих билетов с текстом правил поведения. Противостояние не взявших матрикулы студентов и войск закончилось беспорядками и массовыми арестами, а в декабре Петербургский университет был снова закрыт «впредь до пересмотра университетского устава»[48]. Недостаток сведений лишь подогревал интерес наследника к известиям о студенческих волнениях. В тайне от Строганова он узнавал у профессоров о происходившем в Петербургском университете. «Как теперь помню, – писал в 1887 г. М.М. Стасюлевич Рихтеру, – я приехал в Царское, в один из октябрьских дней, и покойный цесаревич, оглянувшись кругом, спросил меня, сбавив голос: “Ну что у вас там делается (я был тогда профессором университета)?”»[49] О том, что ответил Стасюлевич, сведений не сохранилось, однако известно, что вскоре профессор подал в отставку из Петербургского университета в знак протеста против его закрытия, хотя и продолжил преподавание великому князю[50].

Впрочем, на отношение цесаревича Николая Александровича к университетам во многом повлиял преподававший ему энциклопедию права профессор Петербургского университета И.Е. Андреевский. По крайней мере, так считал князь Мещерский, учившийся у Андреевского еще в Училище правоведения[51]. «Друг науки, – характеризовал князь-мемуарист Андреевского, – он был другом ее учеников в обширном значении этого слова, студентский мир поглощал в нем все остальные: как приверженец вместе с тем университетов германских, он смотрел на все новое, задуманное, как на посягательство на святыню университета». Тем не менее Мещерский отмечал, что под влиянием Соловьева и Победоносцева мнение цесаревича начало меняться[52]. «Вообще он склонен к либеральным фразам, – записывал в дневник начавший преподавать на-

---

[47] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 25–25 об.

[48] Сборник постановлений... Т. 3. Стб. 798.

[49] М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. Т. 1. СПб., 1911. С. 414.

[50] *Секиринский С.С., Филиппова Т.А.* Родословная российской свободы. М., 1993. С. 100–101.

[51] *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. С. 40.

[52] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 28–28 об., 51 об.–52 об.

следнику гражданское право Победоносцев 17 января 1862 г., – не худо его сдерживать и разъяснять ему»[53]. Поэтому помимо собственно занятий Победоносцев беседовал с цесаревичем, в частности, о публичных лекциях в так называемом «вольном университете», который был организован после закрытия Петербургского университета, а также о знаменитой речи профессора П.В. Павлова (пародийный образ которого впоследствии создал Ф.М. Достоевский в первой главе третьей части романа «Бесы»)[54].

Вероятно, Победоносцев поделился с наследником своей оценкой этой речи. «Павлов, – записал правовед в дневник, узнав о вечере в доме Руадзе, где прозвучала речь, – говорил невероятно безумные вещи о правительстве». Становясь авторитетом для цесаревича, Победоносцев отвечал на вопросы ученика о только что вышедшем романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», где был нарисован яркий портрет нигилиста. Тургенев, говорил правовед, «видимо не сочувствует Базарову, не сочувствует голому отрицанию, но вместе с тем как будто боится его, ослеплен его демоническим блеском, видит в нем какое-то зерно будущего развития». Цесаревич продолжил мысль Победоносцева в том же духе, хотя тот отметил в дневнике: «Видно, что он не сам собою дошел до нее»[55]. Представляется, что беседы с Победоносцевым имели большое значение для формирования взглядов великого князя[56].

Страшные петербургские пожары весны 1862 г., среди виновников которых называли и студентов[57], стали для наследника подтверждением размышлений о невозможности заигрывания с нигилистическим огнем. «Несколько времени спустя он сам, – вспоминал о цесаревиче Мещерский, – говорил о том, какое решительное и глубокое влияние имели на него эти печальные события, но в то же время он говорил также, что он вечно будет благодарен Богу за то, что ошибался и увлекался прежде, ибо если бы этого не было, он никогда бы не почувствовал так сильно происшедший в душе его переворот»[58]. Таким образом, неоформленные симпатии цесаревича по отношению к общественному движению постепенно уступали место иным чувствам.

---

[53] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

[54] О «вольном университете» и речи Павлова подробнее см.: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С. 308–320.

[55] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 8.

[56] *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 77–78.

[57] *Стаферова Е.Л.* А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.): Научная монография. М., 2007. С. 199–200.

[58] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 54 об.–55.

Следующее посещение наследником университетских стен произошло в 1863 г., когда был введен новый университетский устав. Оказавшись во время путешествия по России в Харькове, 20-летний цесаревич 7 октября побывал в местном университете. Там его встретили попечитель Харьковского учебного округа К.К. Фойгт, ректор В.И. Кочетов, профессора и студенты. Наследнику были предложены четыре получасовые лекции (видимо, чтобы не утомить августейшего слушателя), из которых, как писал Рихтер Александру II, «особенно интересными были первые две»[59].

Профессор С.В. Пахман читал лекцию об основаниях гражданской подсудности по теории и по началам русского права и, как отмечал в дневнике цесаревич, «касался реформ в наших судоустройстве и судопроизводстве». В преддверии судебной реформы 1864 г. это, естественно, делало лекцию весьма актуальной. Следующую лекцию, посвященную международным отношениям в античности, прочел профессор Д.И. Каченовский, о котором цесаревич отзывался: «Харьковская знаменитость, который чуть не был приглашен читать мне госуд[арственное] право». Наследнику особенно понравился финал лекции Каченовского: «Он кончил лекцию благим советом не забывать старых истин, ища новых, более или менее шатких»[60]. Непонятно, как этот совет был связан с основной темой лекции, но августейшему слушателю он пришелся по душе, ведь наследник во многом разделял убеждения своих спутников Бабста и Победоносцева, которые заметили как-то по другому поводу: «Зачем бы ломать старое, когда в старом достаточно жизни и есть зародыши обновления?»[61]

Третья лекция, напротив, цесаревичу не понравилась. Вероятно, это было вызвано тем, что читавший ее профессор А.Г. Станиславский был «поляк, но обрусевший». Лекция была посвящена «верховной власти», однако ее исполнение показалось наследнику «не особенно хорошо». В условиях, когда продолжалось польское восстание 1863–1864 гг., лекцию о власти, с точки зрения великого князя, должен был читать кто-то другой. На заключительной лекции профессора Н.А. Лавровского шла речь о «древней русской литературе». «Он, – писал наследник в дневнике, – разбирал знакомую мне повесть о Варлааме и Иоасафе царевиче. Читал с одушевлением, но не берусь судить, насколько было прочности и основательности в его мнениях и выводах»[62].

---

[59] ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 95.

[60] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 27–27 об.

[61] Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 385.

[62] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 27 об.

По окончании каждой лекции наследник благодарил профессоров и беседовал с ними. Профессора же Лавровского он решил поправить и продемонстрировать свою осведомленность. В разговоре с ним цесаревич заметил, «что повесть о Варлааме и Ио[а]сафе заключается не только в списке, хранящемся в Императорской публичной библиотеке, но и в списке Московской синодальной библиотеки»[63], с материалами которой он в свое время знакомился под руководством Буслаева. Оценивающая интонация знатока и сравнение с лекциями Буслаева показывают интерес наследника к предложенным ему лекциям. Тем не менее желание цесаревича произвести впечатление вступало в противоречие с напутствием ему Александра II, который цитировал аналогичное наставление Николая I, данное ему в бытность цесаревичем перед путешествием по России в 1837 г.: «Судить *про себя* и *для себя*»[64].

Следует отметить, что в отличие от посещения Казанского университета, где в 1861 г. цесаревичу было предложено сочетание лекций по естественнонаучным и гуманитарным предметам, в Харьковском университете были приготовлены лекции юридического и гуманитарного характера, более отвечавшие интересам и вкусам молодого великого князя. Неудивительно, что в 1863 г. повзрослевший цесаревич записал свои впечатления не только от внешнего вида университета и его обитателей, но и от содержания лекций, хотя наружность учащихся по-прежнему привлекала его внимание.

Харьковские студенты, по свидетельству современника, провожали наследника «многочисленною толпою, так что в аудитории, в которую он входил, могла поместиться только небольшая часть за ним следовавших»[65]. Цесаревич смотрел на них с несомненным интересом. «Были фигуры жалкие, – писал он в дневнике, – были истасканные, неприятные, но вообще они смотрели довольно порядочно: не было костюмов, мало диких причесок и дикого выражения, были учтивы»[66]. Основная масса студентов вписывалась в представления наследника о достойном облике молодого чело-

---

[63] Краткий очерк истории Харьковского университета... С. 186.

[64] ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 40 об.; Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1999. С. 25. См. также: *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 9 (Выделенные курсивом слова подчеркнуты в подлиннике).

[65] *Воронов А.Г.* Воспоминания бывшего студента Харьковского университета [18]60-х годов // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців / Уклад. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.И. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов; наук. ред. С.І. Посохов. Т. 2. Харків, 2010. С. 43.

[66] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 27 об.

века, хотя у него уже был сформирован стереотипный образ студенчества, включавший в себя и «дикие» черты, которые наследник высматривал в толпе. Несмотря на то, что он не смог непосредственно пообщаться со студентами, великий князь учредил пять стипендий для наиболее бедных и прилежных учащихся[67].

В письме к Александру II цесаревич кратко резюмировал свои впечатления: «Студенты имели приличный вид и были учтивы: несколько диких фигур, диких костюмов и причесок»[68]. Смена акцентов (вместо жалкости, истасканности и неприятности студентов наследник поставил на первое место их приличный вид и учтивость), видимо, была связана с опасением вызвать гнев государя по отношению к Харьковскому университету. Цесаревич наверняка знал взгляд отца на российское студенчество. По мнению императора, высказанному им министру народного просвещения А.В. Головнину в 1864 г., харьковские студенты «весьма мало занимаются науками», «ведут разгульную жизнь и буйствуют на улицах» из-за недостаточного над ними контроля[69].

На взгляды великого князя влияла не только позиция отца, но и польское восстание, в котором принимали участие и студенты российских университетов. Так, весной 1863 г. в Киеве было сформировано несколько отрядов, состоявших из польских студентов и гимназистов, которые выступили на помощь восставшим, но вскоре были разбиты[70]. «Теперь все уже успокоилось, пошло нормальным ходом, – писал наследник в дневнике о состоянии дел в Харьковском университете, видимо, передавая слова своих сопровождающих. – Поляков здесь почти нет, их и в Киеве теперь мало, до лясу утихли, сердечные»[71]. В 1863 г. значительное число поляков направлялось из внутренних губерний в Польшу, «как тогда выражались – “до лясу”», – вспоминал один из современников[72]. Для цесаревича же поляк являлся символом смутьяна, а восприятие на слух повлекло за собой ошибку в дневниковой записи: диалектизм «утекли» великий князь передал с помощью более понятного ему слова.

---

[67] Краткий очерк истории Харьковского университета... С. 186–187.

[68] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 109.

[69] Краткий очерк истории Харьковского университета... С. 181.

[70] *Снытко Т.Г.* Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960. С. 307; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох... С. 296.

[71] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 27 об.

[72] *Медведев П.М.* Воспоминания / Под ред. и с предисл. А.Р. Кугеля. Л., 1929. С. 336.

Цесаревич Николай Александрович отмечал не только стремление юношества к наукам, но и практическую пользу от получаемой студентами квалификации. «Юридические факультеты, – писал он в дневнике, – теперь самые многочисленные, в этом отношении они поменялись ролями с медицинскими. Причина тому – судебная реформа, призывающая к юридической деятельности массы образованных людей и обещающая им верный кусок хлеба»[73]. Хотя эти сведения наследник, вероятно, получил от сопровождающих, делегацию которых возглавлял Фойгт, характерно, что по мере взросления цесаревич начал видеть в образовании как универсальную ценность, так и прагматические аспекты.

Как бы то ни было, наследник питал возвышенные чувства по отношению к просвещению и университетам. Это хорошо видно по тому, какое внимание он обращал на будущих студентов. Так, посетив в июне 1863 г. петрозаводскую гимназию, он с удовлетворением отметил в дневнике, что выпускники, имевшие самые «прил[ичные] физ[иономии]», собирались поступать в университет[74]. В то же время преподаватели наследника формировали в нем интерес и уважение не только к настоящему положению университетов, но и к их прошлому. В октябре 1863 г. в Орле – на родине знаменитого профессора Московского университета Т.Н. Грановского – великий князь слушал «оживленный и любопытный» четырехчасовой разговор, который вели Строганов, Победоносцев и ученик Грановского Бабст. «Наш разговор, – записывал наследник в дневник, – шел об университетах, кафедрах, профессорах, Герцене, прошлом направлении, о Москве и ее обществе, о Грановском и его кружке и т.д.»[75]. Воспоминания наставников цесаревича отделяли прошлое, где оставались дореформенные университеты, от будущего, в котором, как они надеялись, на развитие университетов мог бы повлиять и их воспитанник.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. 12 апреля 1865 г. цесаревич Николай Александрович скончался в Ницце от тяжелой болезни, а 4 апреля 1866 г. недоучившийся студент Казанского и Московского университетов Д.В. Каракозов совершил покушение на Александра II, повлиявшее на отношение членов императорской фамилии к университетской системе.

То внимание, которое цесаревич Николай Александрович уделял российским университетам, было довольно необычно для молодого великого князя. Являясь учеником ведущих профессоров

---

[73] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 27 об.

[74] ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 7. См. также: *Хрущов И.* Цесаревич Николай Александрович в Петрозаводске. 1863 // Русский архив. 1896. Кн. 3. № 9. С. 135.

[75] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 32.

своего времени, цесаревич в какой-то мере ощущал себя студентом. Визиты в университеты были для цесаревича не только официальными посещениями, но и встречами с действительно интересовавшим его явлением общественной жизни. С течением времени и под влиянием преподавателей довольно общие взгляды великого князя становились более конкретными, он начинал видеть специфику российских университетов и противоречия в их положении. На фоне того, как складывалось отношение к системе высшего образования у других наследников российского престола, искренний и благожелательный интерес цесаревича Николая Александровича к университетам представляется уникальным явлением.

Список литературы

1. *Днепров Э.Д.* Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 1. М., 2011.

2. *Жуковская Т.Н.* «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2009.

3. *Камчатнов Г.А.* Отечественная историография правительственной политики в университетском вопросе в эпоху Великих реформ // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 10 (50). Вып. 8. С. 66–71.

4. *Кузнецов С.О.* Государственная и меценатская деятельность рода Строгоновых в имперский период. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2008.

5. *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. СПб., 2011.

6. *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2.

7. *Мелентьев Ф.И.* О.Б. Рихтер – летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016.

8. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Студенческие волнения накануне «эпохи Великих реформ» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1.

9. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 1. М., 2003.

10. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

11. *Попов С.А.* Мундир студентов и учащихся дореформенной России. М., 2016.

12. *Посохов С.І.* Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографиї. Харків, 2006.

13. *Свинцова М.П.* Демократическое движение студенчества в годы революционной ситуации (1859–1861 годы) // Из истории революционного движения в России в XIX – начале XX вв. М., 1958.

14. *Секиринский С.С., Филиппова Т.А.* Родословная российской свободы. М., 1993.

15. *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016.

16. *Снытко Т.Г.* Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сб. статей и материалов / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960.

17. *Стаферова Е.Л.* А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.): Научная монография. М., 2007.

18. *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Пер. с англ. И.А. Пильщикова. Т. 2. М., 2004.

19. *Чернуха В.Г.* Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 1999.

20. *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.

21. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985.

22. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

Поступила в редакцию
30 ноября 2016 г.